

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

Посвящается Жан-Полю Сартру

Пролог

Я отважилась на безрассудное приключение, когда стала рассказывать о себе: начнешь говорить — не можешь остановиться. Мне давно хотелось поведать о своих первых двадцати годах; я так и не забыла призывов, обращенных в отрочестве к женщине, которой суждено будет поглотить меня и душой и телом: от меня не останется ничего, даже горстки пепла. Я заклинала ее исторгнуть меня из того небытия, куда она меня ввергнет. Возможно, мои книги были написаны лишь для того, чтобы позволить мне исполнить эту давнишнюю мольбу. В пятьдесят лет я сочла, что время пришло; своим сознанием я наделила девочку, девушку, затерянную в глубинах утраченного времени и утраченную вместе с ним. Черным по белому я вызвала их к жизни на бумаге.

Дальше мои планы не шли. Став взрослой, я перестала звать к будущему; когда я закончила свои «Воспоминания», ни один голос из прошлого не побуждал меня продолжить их. Я намеревалась заняться другим. Но ничего не получилось. Над последней строчкой повис невидимый вопросительный знак, к которому неизменно возвращалась моя мысль. Свобода — что с ней делать? Все эти приготовления к бою, великая битва, бегство и, наконец, победа — какой смысл предстояло всему этому обрести в последующие годы моей жизни? Первым моим порывом было укрыться за своими книгами; но нет, они не дают никакого ответа, именно они и содержат в себе вопрос. Я приняла решение писать, я стала писать, ну и что? Почему эти книги, только эти, именно такие? Чего я хотела? Меньшего или большего? Не измерить общей мерой беспредметную, безграничную надежду моих двадцати лет и проделанную работу.

8 *Симона де Бовуар*

Я хотела гораздо большего и в то же время гораздо меньшего. Постепенно я убедилась, что первый том моих мемуаров требовал в моих собственных глазах продолжения: зачем было рассказывать историю моего писательского призвания, если я не попытаюсь рассказать, как оно воплотилось?

Впрочем, если вдуматься, то этот проект меня интересует и сам по себе. Моя жизнь еще не кончена, но уже она имеет смысл, который будущее, вероятно, не изменит. Какой? По причинам, которые на протяжении этого исследования мне и предстоит прояснить, я избегала задаваться таким вопросом. Но пришло время ответить на него — теперь или никогда.

Возможно, мне скажут, что эта озабоченность касается только меня, но нет. Будь то Сэмюэл Пипс или Жан-Жак Руссо, посредственность или исключительная личность, но если человек раскрывает себя со всей искренностью, то втянуты оказываются так или иначе все. Невозможно пролить свет на собственную жизнь, не затронув каким-либо образом жизнь других. Впрочем, писателей постоянно осаждают вопросами: «Почему вы пишете? Как вы проводите свои дни?» Если отбросить пристрастие к пикантным подробностям и пересудам, то, похоже, многие люди хотят понять, какой образ жизни предполагает писательство. Изучение отдельного случая просветит лучше, чем отвлеченные, общие ответы: именно это и побуждает меня исследовать мой собственный случай. Быть может, это изложение поможет рассеять некоторые недоразумения, всегда разделяющие авторов и их читателей, отчего мне нередко приходилось испытывать трудности. Свой истинный смысл книга обретает лишь тогда, когда известно, в какой ситуации, с какой точки зрения и кем она была написана: свои обстоятельства я хотела бы объяснить, разговаривая с читателями один на один.

Однако я хочу предупредить их, что не собираюсь говорить им *все*. Ни о чем не умалчивая, я поведала им о своем детстве, о своей юности. Однако если без всякого стеснения и без излишней нескромности я могла обнажить свое далекое прошлое, то в отношении моего зрелого возраста я не ощущаю такой же отстраненности и не чувствую себя вполне свободной. Речь не о том, чтобы перемывать здесь косточки самой себе или моим

друзьям, я не люблю сплетен. О многих вещах я совершенно точно умолчу.

С другой стороны, моя жизнь была тесно связана с жизнью Жан-Поля Сартра; однако свою историю он рассчитывает рассказать сам, и я предоставляю ему эту возможность. Я не стану анализировать его идеи, его работы, я буду говорить о нем лишь в той мере, в какой он принимал участие в моей жизни.

Критики решили, что в своих «Воспоминаниях» я хотела преподать урок девушкам, но я главным образом стремилась уплатить некий долг. В любом случае эта работа не преследует никаких моральных интересов. Я ограничусь свидетельством того, чем была моя жизнь. Я ничего не предрешаю, разве только то, что любая правда может представлять интерес и служить. Чему, кому послужит та, которую я пытаюсь отразить на этих страницах? Я не знаю. Мне хотелось бы, чтобы к чтению моей книги приступили с такой же открытостью¹.

¹ В этой книге я позволяла себе недоговоренности, но никогда обмана. Хотя вполне возможно, что в каких-то мелочах память подвела меня. Отдельные ошибки, которые, возможно, отметит читатель, наверняка не опорочат книги в целом. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания автора.)

Часть первая

Глава I

Когда в сентябре 1929 года я вернулась в Париж, меня прежде всего ошеломила моя свобода. Я мечтала о ней еще в детстве, когда играла со своей сестрой во «взрослую девушку». Я уже говорила, с какой страстью я призывала ее в студенческие годы. И вот внезапно я ее обрела; каждое мое движение приводило меня в восторг своей легкостью. Утром, едва открыв глаза, я радостно ликовала. Лет в двенадцать я страдала от того, что не имела своего угла в доме. Читая в одном журнале историю английской школьницы, я с тоской разглядывала картинку, изображавшую ее жилище: стол, диван, полки с книгами. Меж этих стен ярких расцветок она одна, без свидетелей, работала, читала, пила чай: как я ей завидовала! Впервые я увидела более счастливое существование, чем мое. И вот теперь наконец у меня тоже появилась собственная комната! Моя бабушка освободила свою гостиную от кресел, тумбочек, безделушек. Я купила мебель из белой древесины, которую моя сестра помогла мне покрыть коричневым лаком. У меня были стол, два стула, большой ларь, служивший сиденьем и кладовкой, полки для книг, диван в цвет оранжевых обоев, которыми я оклеила стены. Со своего балкона на шестом этаже я видела платаны на площади Данфер-Рошро и Бельфорского льва. Согревалась я теплом керосинки, которая очень скверно пахла; но мне нравился этот запах, казалось, он как будто защищал мое одиночество. Какое счастье иметь возможность закрыть дверь и проводить свои дни без присутствия посторонних глаз! Долгое время я оставалась равнодушной к окружающей меня обстановке. Возможно, из-за картинки в том журнале я предпочитала комнаты с диваном и книжными полками, но мне

подходила любая клетушка, главное, иметь возможность закрыть дверь, и я была вполне довольна.

Я платила бабушке арендную плату, и она относилась ко мне так же ненавязчиво, как и к другим своим постояльцам. Никто не контролировал мои уходы и приходы. Я могла вернуться на рассвете или читать в постели всю ночь, спать среди бела дня, сидеть взаперти все двадцать четыре часа, выходить на улицу, не ставя никого в известность. На обед я ела борщ «У Доминики», а ужинала в «Куполь» чашкой шоколада. Я любила шоколад, борщ, долгий послеобеденный сон и бессонные ночи, но главное, мне нравились мои капризы. Им почти ничто не препятствовало. Я с радостью обнаружила, что «серьезность жизни», о которой постоянно твердили мне взрослые, на самом деле не слишком обременительна. Сдать экзамены было делом нешуточным: я изнурительно трудилась, боялась провалиться, наталкивалась на препятствия и выбивалась из сил. Зато теперь я нигде не встречала сопротивления, я ощущала себя на каникулах, причем вечных. Несколько частных уроков, работа внештатным преподавателем в лицее Виктора Дюрюи обеспечивали мою повседневную жизнь; эти обязанности ничуть не обременяли меня, ибо мне казалось, что, выполняя их, я предаюсь новой игре: я изображала из себя взрослую. Предпринимать шаги, отыскивая себе частных учеников, разговаривать с директрисами и родителями учеников, рассчитывать свой бюджет, занимать, отдавать, считать — вся эта деятельность забавляла меня, так как я занималась ею впервые. Помню, с какой радостью я получила свой первый чек. У меня было ощущение, будто я занимаюсь мистификацией.

Туалеты никогда меня особенно не интересовали, и все-таки мне доставила удовольствие возможность одеваться по своему усмотрению. Ввиду траура по моему деду, я не хотела никого шокировать; я купила пальто, шляпку и туфли серого цвета; заказала такое же платье и еще одно — черно-белое. В знак протеста против хлопка и шерсти, на которые прежде я была обречена, я выбрала шелковистые ткани: крепдешин и некрасивую, но очень модную в ту зиму материю — бархат с орнаментом. По утрам я небрежно и очень ярко подкрашивалась: румяна на щеках, много пудры, помада. Я считала нелепым но-

сить по воскресеньям более дорогую одежду, чем в будние дни, отныне для меня все дни были праздничными, и я, независимо от обстоятельств, одевалась всегда одинаково. Я сознавала, что в коридорах лица крепдешин и бархат с орнаментом выглядели довольно неуместно, что мои туфли были бы не такими стоптанными, если бы я с утра до вечера не таскалась в них по парижским мостовым, но мне было все равно. Одежда относилась к разряду тех вещей, о которых я всерьез не задумывалась.

Я обустроивалась, одевалась, принимала друзей, выходила сама, но все это было лишь подготовкой. Когда в середине октября в Париж вернулся Сартр, то у меня началась по-настоящему новая жизнь.

Сартр приезжал ко мне в Лимузен, он останавливался в гостинице «Буль д'ор» в Сен-Жермен-ле-Бель. Чтобы избежать пересудов, мы встречались на достаточном расстоянии от селения, на природе. С какой радостью по утрам я бежала по лужайкам парка, преодолевала спортивные площадки, пересекала луга, где прежде так часто и порой с такой горечью размышляла о своем одиночестве! Мы садились на траву и разговаривали. В первый день я и представить себе не могла, что вдали от Парижа и наших друзей такое занятие покажется нам подходящим. «Мы возьмем с собой книги и будем читать», — предложила я. Сартр возмутился; точно так же он отмел все мои предложения о прогулках: хлорофилл вызывал у него аллергию, зелень пастбищ раздражала его, он готов был сносить ее лишь при одном условии: забыть о ней. Ну да ладно. Разговоры не пугали меня, стоило только задать тему. Мы возобновили беседу, начатую в Париже, и вскоре я поняла, что даже если она продлится до конца света, мне все равно покажется, что время промчалось слишком быстро. Занимался день, и вот уже наступало время обеда. Я шла подкрепиться домой. Сартр ел хлеб с пряностями и сыр, моя кузина Магдалена тайком относила все это на заброшенную голубятню, рядом с «нижним домом»: ей нравилась романтика. Едва раскрывшись во всей красе, день начинал клониться к закату, уже близилась ночь. Сартр возвращался в свою гостиницу; он ужинал с коммивояжерами. Родителям я сказала, что мы работаем над книгой, критикующей марксизм. Я надеялась задобрить их, потворствуя их ненависти